

Клизма

Весной 2012 года подошла моя очередь по государственной квоте на стентирование. На всякий случай поясню, что это такое, хотя и не сомневаюсь, что народ у нас и без того просвещённый. Итак, стентирование коронарных сосудов сердца проводится для их расширения. В такой операции обычно нуждаются люди, или пережёсшие инфаркт, или находящиеся недалеко от этой беды.

Операция эта нетравматичная: через прокол в сосуде на бедре или руке «в устье суженной коронарной артерии вводится специальный катетер, через который проводится тонкий металлический проводник под наблюдениями на мониторе. Проводник снабжён специальным баллончиком, размер которого подбирается в соответствии с особенностями суженного участка. На баллончике смонтирован в сжатом состоянии стент, который обязательно совместим с органами и тканями человека, гибкий и упругий, подстраивающийся под состояние сосуда. Введённый баллончик на проводнике раздувается, стент расширяется и вдавливается во внутреннюю стенку. Для полной уверенности в том, что стент расширился правильно, баллон раздувается несколько раз. Затем баллон сдувается и удаляется из артерии вместе с проводником и катетером. Стент остаётся и сохраняет просвет сосуда».

Понятно? То есть благодаря этому стенту, а то и сразу нескольким, сердце вновь начинает получать кровь по сильно расширенным артериям в необходимом для нормальной работы режиме. Устрадающего стенокардией человека уходят боли из сердца, исчезает одышка и наступают другие благостные моменты, в том числе и полноценная сексуальная жизнь, без тревожного ожидания, что в самый ответственный момент можешь свалиться с жены (или у кого кто) с инфарктом, а и то вовсе склеить ласты.

Вот один такой стент мне и должны были поставить в Красноярском федеральном кардиологическом центре. Ну, про то, что сам центр, построенный, кстати, сравнительно недавно, представляет собой самое современное медицинское учреждение в крае, с вышколенным персоналом, оснащённое ультрасовременным оборудованием,

наверное, тоже нелишне будет упомянуть. В палатах здесь лежат всего по два человека, есть и одиночные.

Когда я «сдался» в кардиоцентр, там царил непонятная суматоха. Впрочем, я на это особенного внимания не обратил. Моей задачей было скорее попасть на стол к хирургу и так же по возможности быстро выписаться домой; как и всякий нормальный человек, в больнице я лежать не люблю.

В палате на двоих (с небольшим плазменным телевизором на стене, холодильником, душевой комнатой и туалетом, с предусмотрительно вмонтированными в разных местах кнопками для экстренного вызова медсестры, панелью над кроватью с целым рядом каких-то хитрых розеток, разъёмов для подключения какого-то оборудования) я оказался один.

Если бы не шныряющие туда-сюда работники центра в синей медицинской униформе, да бродящие, как лунатики, и придерживающие рукой все еще болезненные места операционных разрезов на груди после шунтирования граждане, можно было подумать, что это — гостиница средней руки.

Только я расположился, как в палату пришла мой лечащий врач-кардиолог, приятная такая, моложавая и рыженькая особа с зелёными русалочьими глазами. На бейджике было написано её имя: Александра Болотова.

Александра попросила вкратце рассказать мне о своём самочувствии и ощущениях на этот момент, я сделал это ещё короче, сказав:

— Да нормально всё!

Врач померила мне давление, сказала: — Действительно хорошо, завтра будем оперироваться, — что меня очень порадовало: вот это оперативность так оперативность!

Правда, к этому моменту я готовился несколько месяцев, пока собрал все необходимые документы, прошёл все анализы и обследования, консультации.

После ужина в палату буквально бегом вошёл довольно молодой ещё врач (в кардиоцентре, как я смог заметить, почти весь медицинский и обслуживающий персонал состоит из молодых

и чрезвычайно вежливых людей) и почти весело сказал:

— Завтра с утра ничего не есть, будем готовить вас к операции. И скажу вам по секрету: возможно, вас будет оперировать японский профессор!..

И сказал японское имя или фамилию, которое я с ходу не смог запомнить. Наверное, от волнения. Он что, этот учёный самурай из Японии, специально ради меня прилетел? Чтобы сделать мне здесь хакари? За что? Что я ему сделал?

Поток моих сумбурных мыслей оборвала пришедшая ближе часам к десяти вечера молоденькая медсестра с маской на лице (впрочем, маска не могла скрыть ни её молодости, ни смазливости). Она приветливо сказала мне:

— Пройдёмте на клизму.

— Но операция-то не полостная, — переполошился я, вспомнив, что из себя представляет эта процедура. — Через прокол же, под местной анестезией... Зачем здесь клизма?

— Больной, вы сегодня у меня не один! — строго сказала медсестра. — Итак, я вас жду.

Ну что ж, клизма так клизма. На что не пойдёшь ради укрепления здоровья.

Процедурная была шагах в десяти от моей палаты. Конфузливо улыбаясь, я улёгся боком на покрытую клеёнкой холодную кушетку.

— А штаны-ы? — укоризненно пропела медсестра.

Ах да, штаны-то надо спустить, иначе же у нас с ней ничего не получится...

Получив порцию слабительного, подхватился с кушетки и, не глядя на медсестру с улыбающимися карими глазами поверх марлевой повязки, мелким шажком зарысил в свою палату. Едва успел прикрыть за собой дверь, как мощный позыв оскорблённого кишечника бросил меня на унитаз...

Облегчённый, свалился на койку. И, немного посмотрев телевизор в одиночестве (ко мне пока так никого и не заселили), заснул. Во сне медсестра снова домогалась меня с зажатым в её руке здоровенным наконечником клизмы. Проснулся с дурными предчувствиями.

Забегал вчерашний озабоченный врач.

— Не завтракать, ждать! — скомандовал он, закрепив распоряжение взмахом длинного хирургического пальца.

Ну, ждать так ждать.

Вот уже и завтрак прошёл, дело к обеду. А за мной никто не идёт. Вот и обед пролетел мимо меня со свистом. Высунулся из палаты — по коридору бродят с такими же недоуменными лицами ещё несколько человек. Выясняется, что у них тоже на сегодня назначена операция, но пока никого не вызывают.

Перед тихим часом в палате появилась старшая медсестра, будничным голосом сообщила: операция перенесена на завтра, так как сегодня был

какой-то симпозиум или коллоквиум с участием заезжих медицинских светил.

Ох, не зря мне снилась медсестра со смазанным штучером: через пару часов после ужина, который я с жадностью проглотил, как оголодавший зверь, на пороге палаты появилось очередное прелестное медицинское создание в обтягивающих длинные ноги синих штанишках и натянутой на груди такой же блузке, с маской на лице.

— На клизму! — прозвучала знакомая уже команда.

— А завтра операция точно будет? — на всякий случай осведомился я, выключая телевизор и поднимаясь с кровати.

— Вы в плане, — пожимает плечиками создание.

Сегодня не та, что была вчера. Но тоже ничего. Хотя какая мне разница, кто мне будет совать в попу шланг от клизмы? Главное, чтобы это было нежно...

На ходу утешаю себя тем, что клизма — это в любом случае полезно, ведь при этом происходит очищение внутренних органов. А тут уже, выходит, двойная польза организму!

Эта девчонка толк в клизмах знает! Вставая с кушетки и натягивая штаны, даже галантно её поблагодарил.

Однако кишечник тут же заявил своё «фи», и я, теряя тапочки, помчался в палату.

Позвонила жена. Интересовалась, что да как. Рассказал. Утешала, что клизмы — это действительно полезно. Согласился. Опять лёг спать с пустыми внутренностями. Спал плохо. Проснулся — ещё шести не было. Желудок бурчит, как Зюганов на единокороссов.

Пошёл на всякий случай в туалет — оказалось, нечем. Попытался снова заснуть — не получилось. А тут и больница проснулась, зашаркали швабами технички, забегали с уколами сестрички. Аппетитно запахло овсянкой. Завтрак! И этот мимо. Потому что меня пока кормят здесь другими «завтраками». И не только меня. Медсестра «утетила», сообщив на мой законный вопрос: «Доколе?» — что нас, плановых операбельных больных, собралось что-то уже около десятка. (Оперировать здесь на нескольких столах, стентирование вообще поставлено на поток, операция в среднем длится от сорока пяти минут и больше. Мне нужно было поставить только один стент. И вот из-за одного этого неполного часа я торчу здесь уже двое суток!)

— Сегодня, надеюсь, меня прооперируют? — хмуро спросил я на обходе врача.

— Да, вы у нас в плане, ждите, — уклончиво сказала она.

Я обречённо уткнулся в сканворд. Блин, хоть бы кого подселили, а то и словечком перекинуться не с кем.

— Вот здесь располагайтесь, — сказала выросшая на пороге палаты плотная няня.

Из-за её крутого плеча выглядывал худощавый рыжеусый мужичок. Он сел на аккуратно заправленную постель, по-птичьи завертел головой, осматривая палату.

— На стентирование?— спросил я его.

— Чего? А, ну да,— кивнул головой мой сосед.

Он оказался очень неразговорчивым. Но всё же выяснилось, что у него уже стоят два стента после инфаркта. Но делали их ему ещё в Новосибирске, так же по квоте. Пришла нужда поставить ещё один, на соседней артерии. А поскольку это нужное дело с декабря 2011 наладили уже и в Красноярске, его из Назаровского района направили сюда.

— Всё ближе, да и дочь здесь замужняя живёт, всегда можно на пару-тройку дней остановиться,— поделился он со мной своими соображениями.

Прихватив станок, сосед отправился в туалетную комнату брить пах— ему сказали, что он в плане на завтра. Я побрился ещё дома. Но если операцию мне раз за разом будут откладывать, то как бы мне не пришлось снова взяться за станок.

Вспомнилось, как перед коронарографией (обследованием артерий перед операцией через прокол в бедре), которую мне проводили в краевой больнице, я лежал на каталке в коридоре перед операционной в живой очереди.

Одних закатывали, других выкатывали и везли обратно в палаты, где нужно было неподвижно пролежать не меньше суток, чтобы прокол в артерии хорошенько зажил.

Нас было человек пять-шесть, все голые, завёрнутые в простыни, как в тогах,— ну чисто собрание сената в Древнем Риме. И тут чего-то зашёл разговор, кто, где и как брил пах перед операцией.

Один мужичок вдруг беспокойно завозился и присел на своей каталке, свесив ноги.

— А что, надо было с обеих сторон брить?

Мужики переглянулись.

— Ну да.

— А я только слева побрил: сказали, с этой стороны катетер вводить будут. И что теперь?

По коридору в это время проходила дюжая медсестра.

Недобрившийся повторил свой вопрос ей.

Та задумалась на секунду. Потом сказала:

— Ну что, пошли ко мне в процедурную...

Мужик сполз с каталки, поплотнее оборачиваясь в простыню.

— Только вот станка у меня нет,— уточнила медсестра.— Но ничего, ты же мужик, потерпишь. Я тебе пинцетом общиплю...

Мужик, шлёпая босыми подошвами, тут же дунул вдоль коридора в сторону отделения, где были наши палаты.

— Я щас... Я сам...— задыхаясь, бормотал он на ходу под наш жизнерадостный хохот.

Но смех смехом, а за мной всё не идут. Из коридора потянуло аппетитными запахами— это раздатчица развозила по палатам на специальной тележке упакованный в пластиковые германские контейнеры горячий обед. Кормят в кардиоцентре, надо признать, очень даже прилично, и никакой тебе столовой— всё доставят прямо к кровати.

Так, а что же со мной? Где моя каталка для операционной?

Зашла старшая медсестра. Будничным тоном говорит:

— Ваша операция перенесена на завтра.

И, не выслушивая меня— я только было возмущённо открыл рот,— вышла из палаты. И тут же после неё зашла раздатчица, неся в руках два контейнера— для меня и моего соседа:

— Обедать!

Она поставила контейнеры на стол и вернулась к тележке.

Я махнул рукой и открыл крышку своего контейнера— так, рассольник и котлета с гречкой, салат, кисель.

С удовольствием поел, и чувство возмущения и обиды тут же куда-то улетучилось. В конце концов, всё равно мне рано или поздно поставят этот чёртов стент. Значит, не так ещё плохи мои дела, если операцию откладывают раз разом, значит, есть у этого сложного и громоздкого медицинского аппарата по имени «кардиологический центр» дела более важные.

Конечно, если бы я прямо вот тут начал у них помирать, они немедля поволокли бы меня в операционную. А я же пока ничего. Вон, даже обед с каким аппетитом уплёл.

Из душевой вышел хмурый сосед. Сказал, что весь порезался, пока брился. Я ему сказал, чтобы не расстраивался— до утра всё затянется, и показал на стол: вон твой обед. Нормальный, между прочим.

Виктор Петрович— он так назвался— вздохнул, сел за стол и, громко сопя, стал задумчиво хлебать рассольник.

Я почитал прихваченные с собой еженедельники— «АиФ-ку», «Комсомолку»— и не заметил, как уснул. Да так крепко, что проснулся только перед ужином. Никому я пока не был нужен здесь, никаких лекарственных процедур у меня не было, вот никто и не беспокоил особо.

Сосед на своей кровати тоже вовсю высвистывал явно простуженным носом незатейливую мелодию. И тут пришла моя докторица Александра.— Ну, вы у нас уже человек опытный,— сказала она.— Всё уже знаете. Так что за ужином особо не усердствуйте, а с утра— ни пить, ни есть. Завтра операция.

Ага, щас! Знаем мы эти ваши «завтраки»! Я слопал весь ужин, состоящий из куриной голени

и приличной порции картофельного пюре, запиш всё это дело чашкой горячего чая.

И, довольный, как удав, перебрался из-за стола на постель — переваривать только что проглоченный харч. Под бормотание телевизора закемарил. И подскочил как ужаленный при знакомой команде:

— На клизму!

Медсестра была позавчерашняя — та самая, длинноногая и хорошенькая, звалась Оленькой. Грубить ей было как-то не с руки. Да и было у нас с ней уже это, так чего уж тут ваньку валять? И я безропотно поплёлся в клизменную.

Оленька была само очарование и предупредительность. Она действовала точно и безукоризненно. Когда влившаяся через штуцер жидкость стала распирать мне требуху и искать выход, я, натянув штаны, всё же ещё успел пошутить:

— Оленька, а поцеловаться?..

Но на большее меня не хватило. Едва не сшибив выходящего из нашей палаты Петровича, я залетел в сортир. Вскоре меня сменил сосед. Спать мы с ним улеглись совершенно опустошёнными.

Наступил третий день моего пребывания в кардиоцентре. И он оправдал мои ожидания: в районе одиннадцати утра меня таки повезли на операцию.

Сжимая в руке под простынёй конвертик с диском, на котором было записано последнее исследование моих артерий на коронарографии, я смотрел в проплывающий надо мной блестящий масляной краской потолок коридора и старался думать о приятном.

Ну, о том, например, что истязания меня клизмами наконец закончились, и я скоро буду дома, и мы со Светиком должным образом отметим восьмое марта — до него оставалось всего несколько дней.

В операционной меня подкатили к какому-то громоздкому, негромко гудящему аппарату, обвинутому кабелями и проводами, с монитором.

Около него стояли два человека в хирургических костюмах, с масками на лицах. Одна из них — похоже, ассистентка, — сноровисто подговорила лежащее перед ней тело к операции: смазала йодом место прокола, обезболела. И в дело вступил хирург.

Я чувствовал, как он проколол мне бедро и стал вводить в артерию катетер. За всем, что происходит в моём теле, он внимательно наблюдал через монитор, я же, как ни пытался разглядеть, что там, — не мог: мне запретили активно двигать головой.

Боли не было, только неприятно поддёргивало место прокола, через которое к моему сердцу, вернее, к суженному просвету в артерии, двигался катетер.

Вот он поёрзал-поёрзал и остановился, а хирург буквально влип в монитор. Потом врач вздохнул, и катетер, чуть подавшись назад, вновь стал штурмовать забитый сосуд.

Хирург возился со мной подозрительно долго, что-то иногда бормотал себе под нос, ассистентка время от времени промокала ему лоб салфеткой — всё как в кино, ей-богу!

Неожиданно я стал ощущать боль в области сердца. Сначала несильную, а потом всё ощутимей и ощутимей. Я закричал.

— Что такое? — спросил врач.

— Больно в сердце, — признался я.

— Больно? — обеспокоенно переспросил он и сделал небольшое движение кистью руки.

И боль тут же ушла — видимо, катетер отвели от проблемного места назад.

— У нас с вами сложный случай, — наконец признался мне хирург. — Пока что я ничего сделать не могу. Полежите тут пока, отдохните, я скоро.

Он ушёл, а я загрустил. Это что же получается? Если стент мне не поставят, значит, придётся делать аорто-коронарное шунтирование. А я за эти два дня насмотрелся на прооперированных по этому поводу. У них огромные, на всю грудь, багровые швы, у кого-то торчат тоненькие дренажные трубочки.

Они ходят очень тихо, сторбившись, и прижимают одну руку к операционному шву. А кто так и вообще не ходит, а ездит на инвалидных колясках.

Всё это свидетельствовало об одном: операция эта полостная, довольно тяжёлая и с большим реабилитационным сроком. Понятно, что если вопрос встанет о шунтировании — никуда я не денусь и лягу под нож, жизнь дороже. Но ой как этого не хотелось! Пока...

Мои тягостные раздумья прервал хирург. Он вернулся в сопровождении ещё одного врача, они посмотрели на монитор, потом отошли в сторонку и недолго посоветовались, о чём — я не мог расслышать.

Да конечно же, о том, как успешно завершить операцию — главное задачи для них в этот момент просто не могло быть. Иначе что же — цельных три вставленных мне клистира пойдут насмарку? Большой несправедливости на свете просто быть не могло!

Но вот хирург вернулся, что-то скомандовал ассистентке, она склонилась надо мной и сказала, что сейчас меня введут в лекарственный сон — и всё будет хорошо. Она уколола меня в вену, и я заснуть не заснул, а как бы поплыл. И сквозь этот полусон снова почувствовал лёгкие уколы боли в сердце, но такие... совсем лёгкие, что можно было не обращать на них внимания и продолжать дремать. А вскоре я расслышал весёлый голос хирурга:

— Ну вот и всё, поздравляю: у нас получилось!

Я не стал расспрашивать хирурга, с какой же он такой сложностью встретился. Скорее всего, просвет в артерии настолько сузился (ведь я после коронарографии почти год дождался своей квоты на операцию, и ситуация за это время в моём моторе могла кардинально измениться), что почти не было шансов пробиться сквозь это проблемное место для установления стента, и дело могло закончиться моим инфарктом здесь же, на столе.

Однако ребята сумели добиться благоприятного исхода операции, раздвинули стенки артерии и поставили стент. В результате сердце моё забилося ровнее, боль из него при ходьбе и прочих делах ушла, и я снова стал чувствовать себя полноценным человеком, за что низко кланяюсь оперировавшим меня медикам и всему персоналу кардиохирургического отделения номер один Красноярского федерального кардиоцентра. В частности, хирургу, кандидату медицинских наук Дмитрию Столярову, врачу-кардиологу Александре Болотовой, ну и самому заведующему отделением, кандидату медицинских наук Дмитрию Шматову.

Домой они меня, правда, отпустили не сразу: сутки пришлось пролежать почти без движения, чтобы, не дай Бог, не открылось место прокола в артерии, — частью в реанимации, остальные часы у себя в палате. Ещё двое суток я пробыл под наблюдением врачей и четвёртого марта 2012 года благополучно отбыл домой с приехавшими за мной женой и сыном. Так что праздник мы провели вместе.

Да, спросите вы, а что же японский гость? Был он, был! Уже дома, в новостной ленте (<http://kr.ru/online/news/1095692/>), я нашёл сообщение об этом событии. Действительно, как раз в эти в Красноярском кардиоцентре с мастер-классом находился ведущий японский рентгенхирург с мировым именем, профессор Тошийя Мурамацу, возглавляющий сердечно-сосудистый центр госпиталя Иокогамы.

Это ведь именно японцы придумали метод реканализации — то есть без большой операции, без остановки сердца открывать закрытый холестериновой бляшкой просвет коронарной артерии.

И японский профессор таки самолично провёл за эти пару дней на сердцах выбранных им восьмерых больных красноярцев операции по стентированию артерий.

Я, выходит, в этот список не попал. Да какая, собственно, разница? Это японское медицинское светило так и заявило, цитирую: «Я не ожидал увидеть в России такую клинику с самым современным оборудованием, грамотными врачами, которые владеют всеми необходимыми

технологиями в сердечно-сосудистой хирургии. Приятно, что все врачи общались со мной на свободном английском языке».

Так что наши кардиологи — великолепные специалисты, это говорю вам я, лежавший у них на операционном столе и получивший необходимую помощь даже тогда, когда она казалась неосуществимой.

Ну а клизмы... А что клизмы? Это штука очень даже полезная!

Шрамы

— А это что у вас за шрамы? Что за операция была?

Идёт утренний обход, и черноусый заведующий хирургическим отделением, в синем халате и синей же шапочке, внимательно рассматривает оголённый солидный живот крупного мужика, лежащего вторым от окна. На табличке, прикреплённой к спинке его кровати, мужик значится как Владимир Петрович К. (пусть будет для краткости ВПК).

А на первой от окна койке, то есть рядом с ним, табличка обозначает присутствие на ней другого Владимир Петровича, только Ж. (ну, этот у нас будет, соответственно, ВПЖ). Но табличка есть, а ВПЖ нет.

А, вот он и идёт, вернее, ковыляет мелким гусиным шагом, слегка откинувшись назад, иначе пузырь живота заставит клюнуть его носом в пол. ВПЖ уже шестьдесят шесть лет, у него атеросклерозом поражены артерии и более мелкие сосуды конечностей, потому ему очень трудно передвигаться. Дальше будет ещё хуже, хотя он и регулярно капается в больнице два раза в год. Потому что ВПЖ не хочется отказываться от курения, а это никотин спазмирует, схлопывает сосуды, и кровь плохо поступает к тканям. Здесь недалеко и до гангрены.

ВПЖ, сдерживая дыхание, чтобы врач не уловил запаха табака, пробирается к своей кровати и с пыхтеньем усаживается на неё.

— Так что это за шрамы? — повторяет свой вопрос врач.

— Ножевые ранения были. Пять штук, — нехотя говорит ВПК.

— Ясно, — резюмирует врач.

Он профессионал и, узнав происхождение этих шрамов, теряет к ним всякий интерес. А вот я бы послушал, за что это моего сопалатника так издырявили.

Пощупав живот и вытирая руки протянутым ему медсестрой влажным полотенцем, врач говорит:

— Ну, вот и мы вам добавим шрамчик. Готовьтесь, завтра прооперируем.

ВПК угодил в нашу шестую палату (не ждите никаких аналогий с персонажами знаменитого чеховского рассказа — просто наша палата действительно шестая) с грыжей. Говорит, купи

новую квартиру на Солнечном, перетаскивал мебель, тут она и вылезла.

Она и раньше была, но вПК как-то управлялся с ней, укрощал грыжу бандажом, сам вправлял её обратно, когда слишком выпячивалась. И продолжал бригадирствовать в своей строительной бригаде. Ему под шестьдесят, он ростом куда выше среднего и весит, по собственному признанию, сто пятнадцать килограммов.

Врач между тем, оставаясь в этом же проходе между койками, повернулся теперь уже к вПК. — А вы что, Владимир Петрович, так и продолжаете курить? — укоризненно говорит он, пожимая руку вПК (что означает — они хорошо знакомы). — Да уже меньше, — конфузливо отвечает вПК и отводит глаза.

Врач разочарованно машет рукой и делает пару шагов к соседней кровати. Всего в палате их восемь — я впервые лежу в больнице при таком скоплении народа в одном помещении. До этого как-то лежал в краевой клинической, в глазном центре, так там везде в палатах было максимум по пять человек. А здесь — целая толпа!

Больница эта старая, ей уже больше сотни лет, и уже не первый год идут разговоры о её сносе и строительстве новой, но пока, похоже, не получается. И буквально сыплющаяся больница (её перестали ремонтировать) продолжает исправно лечить больных.

— Это хорошая больница, — неожиданно заявил вПК после обхода. — Тут к больным как к людям относятся. А вот я после того, как меня подрезали, в тысячекоечной полежал, так там полный отпад!

Я ловлю Владимира Петровича на слове и прошу его рассказать, за что и где его подрезали. вПК, заметив, что на него с выжидающим любопытством смотрю не только я, а, считай, вся палата, прокашлялся и совершенно будничным голосом рассказал свою историю, от которой у меня буквально волосы зашевелились на голове.

Дело происходило в конце восьмидесятых. вПК, тогда ещё совсем молодой парень Володя, со своим братом и ещё тремя парнями после рабочего дня выпивали на берегу Енисея. На пятерых у них было такое же количество бутылок водки да пара плавленых сырков. Ну и ещё сигареты.

Любовались на открывающиеся на той стороне могучей реки виды, травили анекдоты, говорили за жизнь — всё как полагается в таких мужских компаниях — и быстро пьянели от выпитого. И вдруг послышался топот многих ног, ругань, и из-за ближайших деревьев к месту уединения друзей вывалила шумно дышащая, разгорячённая компания незнакомых парней. Их было человек пятнадцать-двадцать.

— А, вот они, суки! — прорычал самый здоровый из них и рыжий.

Он сжимал в руке штакетину. Какими-то палками, обрезками труб и арматуринами размахивали и остальные члены этой непонятной для чего и по какой причине собравшейся банды не банды, но очень воинственно настроенной группы.

— Мочите их, пацаны!

И «пацаны» с рёвом накинулись на не успевших даже встать на ноги друзей. Володя, получив здоровенный пинок в грудь, едва не укатился под высоченный обрыв, но успел сгруппироваться и вскочить на ноги. И повторно налетевшего на него рыжего здоровяка он встретил мощным апперкотом в челюсть — как учили в боксёрском кружке, куда он как-то ходил целый год.

Рыжий даже лягнул зубами и с откинутой головой попятился назад. Но добить его Вовка не успел — его ударили чем-то твёрдым сзади по затылку, и он «поплыл», а пришедший в себя здоровяк снова накинулся на него.

В руке у него в этот раз блеснул нож, и он несколько раз подряд прямыми тычками ударил им своего обидчика в живот, а последним, пятым ударом, зло ощерив редкие жёлтые зубы, с хеканьем полоснул лезвием поперёк брюшины. Володя со стоном упал на колени...

Буквально втоптали в пожухлую осеннюю траву и его недавних приятелей-собутельников, так некстати оказавшихся на пути разозлённой оравы. Позже выяснилось, что неподалёку от этого места гуляли свадьбу. А две подружки решили уйти с неё на дискотеку. Но для начала им зачем-то понадобилось сбежать домой.

Они жили в частном секторе и, чтобы спрямить путь, пошли берегом Енисея. Девчонок на безлюдной тропинке перехватили двое каких-то пьяных отморозков, избили, сняли с них золотые серьги, отобрали и вывернули сумочки, порвали на них одежду.

Подружки еле вырвались и убежали обратно на свадьбу. Вот оттуда-то и снарядилась карательная экспедиция и стала прочёсывать берег Енисея — излюбленное место для любовных свиданий и пьянок местной молодёжи. Искали по запомнившимся ограбленным девчонкам приметам своих обидчиков: на одном из отморозков была синяя рубашка, на другом — зелёная.

Как назло, ни сном ни духом не ведавшие о том, что произошло недалеко от того места, где они так хорошо сидели, Владимир и его брат Николай были одеты в рубашки именно такого цвета — синюю и зелёную. За что и огребли по полной от жаждавшей мести толпы.

— Пацаны, кто первым очухался, говорили потом: я сидел на траве, подбирал с неё и заталкивал себе обратно в живот вывалившиеся кишки, — покашливая время от времени, продолжал свой

жуткий рассказ вПК.—Досталось и остальным: у кого-то была пробита голова, у кого рука сломана. У братьевника моего полопались рёбра, и что-то внутри отбили. Но больше всех, конечно, досталось мне: тот здоровяк, которому я так хорошо врезал, но иначе убить меня хотел, да вот свезло мне, не до конца убил. Кто-то сбежал в посёлок, вызвали милицию и скорую. И пока они ехали, я всё время был в сознании, но в таком—мутно всё вокруг было. И почти не больно—от шока, наверное. Вот тогда-то меня с братом и отвезли в тысячекоечную больницу, и меня сразу положили на операционный стол. Я вообще-то должен был умереть после такого ранения. Но хирург сказал, что мне невероятно повезло: во-первых, в желудке у меня было пусто, не считая водки, во-вторых, кишки вывалились не в грязь, а в сухую траву, так что инфекции не случилось. Но, блин, когда требуху укладывали обратно в живот, прямую кишку мне вывели в бок и прицепили снаружи этот, как его, калоприёмник. Врачи сказали, что пока кишечник внутри не уляжется как надо, мне придётся походить вот так. А какой там походить—я пошевелиться-то не мог. Раны у меня плохо заживали, и меня спихнули в гнойное отделение. У себя в палате я лежал один. Этот грёбаный калоприёмник время от времени надо было освобождать—говно в него плывёт само по себе, хочу я срать или не хочу. Из дренажных трубок гной прёт. Вонь в палате стоит—хоть нос зажимай. Вдобавок у меня ещё пролежни на спине пошли—я тогда хоть и поменьше весил, чем сегодня, но центнер во мне был всё равно, и никому такую колоду ворочать не хотелось. Так что ни медсестры, ни нянечки было не дозваться, когда они нужны были. Хорошо, братишка мой быстро оклемался—он ведь тоже в хирургии лежал, вот он-то и помогал мне здорово во всём, что должен был персонал делать...

вПК замолчал, уставившись в потолок и легонько поглаживая утянутую биндом паховую грыжу. —А дальше-то что было?—первым не выдержал его сосед, другой Владимир Петрович.

—Да, давай уж выкладывай свою историю до конца,—поддержал его мой сосед, ждущий операции на желчном пузыре.

—Ну, выписали меня только через пару месяцев, инвалидность временную дали,—грузно усевшись на кровати, продолжил Петрович.—А тут и суд подоспел над этими, что нас долбили в тот день, а меня чуть не убили,—нашли их как-то удивительно быстро. Судили-то, конечно, не всех, но человек восемь из них в клетке оказалось. Этому рыжему, что меня порезал, дали шесть лет, остальным кому три, кому два, а кому вообще условно. Рыжий—я запомнил, Тимченко его фамилия,—у меня прощения просил на суде за то, что они

попутали нас с теми бандюками, что на их девок напали, и за то, что он так сильно порезал меня... —И что, простил ты его?—спросил вПК.

—А, рукой махнул: дескать, хрен с тобой,—и ничего не сказал,—буркнул Петрович.—Больше я его не видел.

Потом он вдруг оживился:

—Но земля-то, как говорят, недаром круглая. Лет пять тому назад за драку отсидел старший сын моего брата, того самого, с которым мы попали в ту заваруху. И он потом рассказывал, что на зоне повстречал—кого бы вы думали?—того самого Тимченко. Он сам к нему подошёл, когда услышал его фамилию, и спросил, не родственник ли он мне. А племяш здорово похож на меня. Ну и сказал, кем мне доводится. Тимченко же к тому времени, оказывается, превратился в матёрого уркагана, у него то ли пятая, то ли шестая ходка уже была, и он был на зоне за смотрящего. И племяш мой потом весь свой срок проблем не знал—так Тимченко поквитался за свой должок передо мной. Ну что, удовлетворил я ваше любопытство, болезни? Тогда я пошёл курить. А ты куда, тёзка? Тебе же нельзя!

Но вПК только досадливо рукой махнул, и два Владимира Петровича, торжественно выпитив свои животы, важно пошагали из палаты в курилку...

Заметки из-под капельницы

Думал—бронхит

...Рядом со мной в палате реанимации лежит старая китаянка с торчащей из трахеи трубкой. Её жёлтое лицо вполоборота обращено ко мне, и я иногда ловлю на себе страдальческий взгляд узких смородиновых глаз. Она время от времени тихо стонет, водит тонкими руками с синими жилами под пергаментной кожей по простыне на груди, мелко подрагивает ногами с особенным образом собранными в горсточки на крохотных узких ступнях пальцами (это так называемый золотой лотос—подсказал мне «Гугл»).

Глубокая ночь, но свет в палате реанимации, в которой заняты больными ещё четыре особенные противоположные кровати, практически никогда не гаснет: здесь постоянно находятся врачи, медсёстры, санитары. Они все в белых, синих и даже чёрных защитных герметичных костюмах, масках, очках, перчатках, бахилах на ногах. Больше похожие на космонавтов или даже каких-то пришельцев, выхаживают своих тяжёлых подопечных.

На разные лады мигают, пищат, дышат, хрипят и даже истерично вскрикивают какие-то аппараты рядом с койками страдальцев. Картина просто сюрреалистичная, и мой мозг иногда отказывается признавать, что я нахожусь здесь уже не первые сутки. Меня и моих товарищей

по несчастью—спасают. От настигшего-таки нас коронавируса, от вызванной им двухсторонней пневмонии.

Нам со Светланкой этот гадский COVID-19 нынче уже подгаживал: сначала сорвал весеннюю поездку в Иорданию на Красное море (страна закрылась), затем то же самое повторилось с Турцией. В конце концов, мы отдохнули в Белокурухе и, кстати, остались крайне довольны этой поездкой. Но на море, на море-то мы ещё нынче не были! И в конце концов, перебрав все возможные варианты, решили поплескаться в бархатный сезон в водах Чёрного моря в Абхазии.

Но до отъезда туда необходимо было пройти профилактическое лечение в сосудистом отделении Краснойокской БСМП: чтобы относительно нормально себя чувствовать, мне предписано пожизненно два раза в год прокапываться сильнодействующими сосудорасширяющими препаратами. Ну, я собрался и лёг в больницу по графику. Всё там было нормально, лечение шло размеренно, правда, в отделении из-за угрозы коронавируса был установлен карантин: масочный режим, запрет на свидания с посетителями и так далее.

Однако к концу лечения я почувствовал, что простыл—в палатах было душно, и мы их время от времени проветривали, и я где-то не уберётся, продуло. Появился небольшой кашель, а главное—температура выше тридцати семи. При такой, как известно, сейчас в самолёт на посадку не возьмут. И я в предпоследний день прокапывания отпросился у врача домой, чтобы оперативно пролечиться самому перед отъездом—опыт есть, Светлана уже не первый раз самостоятельно выхаживала меня от хронического бронхита.

Дышу, как рыба на суше

Супруга на всякий случай отселила меня на диван в гостиную, развернула свою аптечку. Однако несколько дней усиленных попыток согнать у меня температуру ничего не дали, а нам вот-вот вылетать! Вызвали на дом участкового врача. Приехал молодой долговязый парень, послушал меня, измерил температуру, взял мазки, лечение рекомендовал продолжить. А температура на месте, появилась одышка.

Светлана во время очередного похода в аптеку додумалась купить пульсоксиметр (я ей рассказал, что перед выпиской из больницы видел, как наши медики начали там облачаться в противоковидные костюмы). И замер показал, что уровень кислорода в моём организме упал до восьмидесяти пяти (нормальный показатель девяносто пять—сто). А тут ещё позвонили из лаборатории, куда уехали мои мазки, и сообщили: у меня положительный результат. То есть я заболел коронавирусом.

Ну, сказать, что мы со Светланой были поражены этой новостью, наверное, нельзя. Возможность

заражения COVID мы не исключали никогда, по крайней мере, с начала пандемии. И вот я—в числе тех, кто всё-таки не смог уберечься от этой напасти. Неужели я ещё и Светлану заразил? Однако она почувствовала себя как обычно, в отличие от меня, уже начавшего задыхаться при ходьбе по квартире и при резких телодвижениях, и потому оставалась надежда, что Бог её миловал.

В такой ситуации ничего другого, кроме как вызвать скорую, не оставалось. Мой «больничный» рюкзак ещё не был до конца освобождён после недавней госпитализации в БСМП, потому запахать в него самое необходимое было делом нескольких минут. Скорая действительно пришла скоро, и вот мы со Светланой и фельдшером спускаемся к лифту. И я осознаю, насколько серьёзно моё положение: десяток шагов преодолеваю, дыша как рыба, выкинутая на сушу. Однако ж быстро развивается у меня хворь...

Меня привозят в краевую клиническую больницу. Светлану сразу отделяют и уводят куда-то в зал ожидания. Я и ещё несколько человек сидим в приёмной и ожидаем решения своей судьбы. У меня берут анализы крови, мазки, замеряют время от времени сатурацию. Она всё снижается. Всё это время мы со Светланой на связи. Но вот формальности окончены, и меня в темпе ведут... на кислород—у меня начали синеть губы.

Без кислорода не могу

В помещении, где есть аппарат, на меня тут же надевают маску, и я начинаю вдыхать кислород. Содержание его в моём организме, естественно, поднимается, мне становится легче. Теперь надо на КТ (компьютерную томографию), и без кислорода отправить меня туда не решаются. Сажают на каталку, рядом устраивают небольшой кислородный баллон. Я надеваю маску, обнимаю баллон, чтобы он не выпал вдруг, и дюжий молодой фельдшер скорым шагом катит меня куда-то по коридорам, мы выезжаем на улицу, катимся по тротуару, снова въезжаем в помещение и попадаем в отсек, где и установлен компьютерный томограф...

Здесь небольшая очередь. Через два-три человека лаборантка КТ просвечивает и мои лёгкие. Едем обратно. Ещё с полчаса—и сообщают результат КТ: у меня «закрыты» семьдесят пять процентов лёгких, вот откуда такая нарастающая одышка, сердечбиение, ну и немного тревожное состояние. Принимается решение о моей госпитализации в третье отделение пульмонологии краевой больницы, куда меня и отвозят с вещами на той же тачанке, с кислородным баллоном в обнимку. Сообщаю жене о своей диспозиции, и она едет домой.

В палате на четыре койки нет ни умывальника, ни туалета, но зато есть стационарная подача

кислорода, а для меня это сейчас главное. Мы лежим напротив ординаторской, и я обращаю внимание на то, что весь персонал нашей отделения — молодые ребята и девушки, стройность и подтянутость их фигур не скрывают мешковатые скафандры, и они сноровисто и часто снуют по коридору, между палатами, каждый со своими обязанностями. Приходит и представляется мой молодой врач — Сумаков Илья Олегович, если не ошибаюсь. Он цепляет сатуратор к моему пальцу, смотрит с озабоченностью на результат — там где-то в районе восьмидесяти. Очень мало. Врач настоятельно рекомендует мне без нужды не снимать кислородную маску.

Мне надо в туалет. Встаю с кровати и выхожу в коридор. Иду медленно, но одышка не оставляет. До санузла надо пройти метров пятнадцать; бреду, удерживаясь от искушения держаться за стенку. Сердце стучит где-то внизу живота, в ушах шумит. Да это что же со мной такое?! Вот ведь несколько дней всего назад был относительно здоров!

В палате нас четверо, по возрасту всем явно за шестьдесят. Мой бородатый сосед Виктор Николаевич много лет проработал на северах, сейчас на пенсии. «Корону» подцепил и он сам, и его жена. Она лежит недалеко от мужа, время от времени навещает его, приносит ему к обеду куриную ножку (дочка нажарила им их целую прорву и отправила передачей), поправляет постель, что-то внушает ему. В общем, проявляет заботу — семья и здесь остаётся семьёй.

По назначениям мне начинают ставить капельницы, буквально горстями носят таблетки (как-то посчитал — было больше десяти за раз), закачивают в меня даже гормоны, время от времени берут кровь. Но сдвигов нет: сатурация падает, я перестал есть, ничего не лезет. То есть просто начал угасать. Светлана звонит часто, разговаривая с ней срывающимся голосом. Она чувствует, что мне плохо, пытается всячески подбодрить, и я от неё ещё не слышал столько ласковых, нежных слов, сколько она говорит мне их сейчас. Слушаю её, и в носу щиплет, глазам жарко. «Я вернусь скоро домой, рыбка моя, не переживай», — бормочу я.

В реанимацию так в реанимацию

Приходит врач Сумаков и сообщает, что мне по всем показаниям необходимы реанимационные мероприятия. Я вздыхаю и согласно киваю головой: это же очевидно. Тут же появляется каталка, я успеваю подписать какие-то бумаги, позвонить жене относительно своих дальнейших перемещений. Мне надевают на лицо кислородную маску (баллон снова у меня под боком), и ребята шустро катят меня по коридорам, и через несколько минут мы оказываемся в довольно просторной палате на несколько коек, уставленной аппаратурой.

Меня подкатывают к крайней койке, заставляют снять с себя всё до последней нитки, и я, в чём мать родила, переваливаюсь на какой-то странный комковатый матрас (потом разобрался — противопролежневый), на лету пытаюсь укрыться простынёй. И снова вижу вокруг молодые глаза и лица, прикрытые очками, масками — это персонал реанимационного отделения тут же берёт в работу своего очередного пациента.

Я же тем временем успеваю хоть немного осмотреться. Примечаю, что в палате шесть мест. Почти напротив меня на спине лежит грузная женщина, изо рта у неё торчат трубки, руки привязаны к бортам кровати, рядом сипит аппарат. Ага, вот это и есть интубирование, догадываюсь я.

Рядом со мной лежит китаянка, о которой я упомянул ещё в начале своих заметок. Ну и дальше по моему ряду, у большого окна, за которым видны трубы ТЭЦ, мужчина в маске, и он всё время машет рукой, подзывая кого-то из персонала. Не пустуют и две другие кровати по другому ряду, на них возлежат женщины в кислородных масках. Вольно или невольно также подмечаю, что все они, как и я, прикрыты только простынками, и под каждой постелью покоятся писсуары и утки. Да, вздыхаю я про себя, это всё очень серьёзно и, пожалуй, не на один час.

Подружиться с ивл

Между тем дежурный врач берёт в руки пластиковую маску, от которой к аппарату на тумбочке рядом с кроватью тянется прозрачный гофрированный шланг, надевает мне её на лицо (тут же в рот, в нос бьёт струя кислорода), туго стягивая лямки на затылке и на ходу поясняя, что аппарат искусственной вентиляции лёгких будет дышать не за меня, а вместе со мной, мне надо лишь приноровиться к ритму подачи воздуха. И началось. Я то попадал в режим подачи кислорода, то нет, и тёплая струя (почему-то время от времени кислород нагревался) самостоятельно шуровала у меня в носу, во рту, пока я судорожно пытался приспособиться к настойчивому напору аппарата. Да, вот ещё: оказывается, у кислорода есть привкус, кислый такой.

Уже через час-другой губы под маской начало обмётывать, во рту сохло, глаза стали слезиться — струйки кислорода пробивались сквозь маску, хоть и затянута она была ту же некуда. Иногда я устал дышать с аппаратом, и тогда старался хоть ненадолго оттянуть край маски и подышать самому внешним воздухом. Но аппарат был начеку и тут же начинал верещать дурным голосом, ябедничая персоналу о нарушении герметичности маски. Обладеть просто, как я в первый день устал от этого чёртова ивл, хотя и понимал, что по-другому сейчас просто нельзя.

Одновременно с накачкой кислородом в меня вливали капельницу за капельницей необходимые

препараты, опять же пичкали таблетками, без конца мерили температуру (она долго держалась в районе тридцати восьми), уровень сатурации. Передышками служили приём пищи и воды (её принесли по первой же просьбе). Есть я толком не мог ещё два или три дня, столько же до этого в палате, соответственно. Но где-то в середине срока реанимации, то есть через четыре дня, когда я уже подружился со своим аппаратом ИВЛ и мне стало значительно лучше, у меня вдруг открылся аппетит.

Спасибо вам, ребята!

Дорогие врачи, санитары, медсёстры: Артём, Захар, Елена, Оксана, кто там ещё— всех не упомяну,— я, как, думаю, и другие прошедшие через ваши бережные руки больные, бесконечно вам благодарен за ваши профессионализм, чуткость и безупречную исполнительность. Вы сумели так поставить себя при исполнении своего профессионального долга, что проходящие через реабилитационное отделение чувствуют себя здесь не просто тяжело-больными, а именно людьми, к которым здесь относятся с глубоким уважением и пониманием.

Эти молодые ребята делают всё возможное, чтобы поставить на ноги попавших к ним больных. Увы, спасти удаётся не всех: в реанимацию чаще всего поступают люди немолодые, с большим процентом поражения лёгких, с ослабленным иммунитетом. При мне скончались моя соседка китайка и ещё три человека (это за те восемь дней, что я провёл в реанимации), вечная им память.

Все эти дни я был лишён связи с женой. Но мне сообщали, что Светлана звонит в реанимационное отделение каждый день, расспрашивает о моём состоянии, передаёт мне пожелания скорейшего выздоровления и возвращения домой. Я время от времени обращался к персоналу с просьбой дать мне позвонить жене, но они говорили, что мобильных у них с собой нет, а по служебному посторонним звонить нельзя. И всё же в день рождения Светланы, восемнадцатого октября, я выпросил у дежурного врача телефон и позвонил жене, поздравил её. Не передать словами, как жёнушка моя обрадовалась этому звонку: она и плакала, и смеялась, ну и так далее.

На седьмой день мне разрешили дышать через обычную маску, а на следующий выписали

из реанимационного отделения для дальнейшего лечения в пульмонологии. Я очень тепло простился с персоналом реанимации, они же пожелали мне больше здесь не появляться (надеюсь, так и будет).

Берегите себя и близких

Ну, рассказывать о дальнейшем моём лечении, думаю, нет смысла, потому что там была уже рутинная—я пошёл на поправку. Обмолвлюсь лишь, что вернули меня не в мою палату и даже не в моё, а в соседнее, четвёртое, пульмонологическое отделение (всего же их в краевой больнице десять!). А через несколько дней и вообще перевели в другую, четвёртую краевую межрайонную больницу, откуда я был выписан уже на шестой день, тридцать первого октября. Я от души благодарю всех медиков, вернувших меня в строй, и желаю им самим здоровья и терпения: это ведь очень непросто—провести восьмичасовую смену в герметичном костюме и жить там же, при больнице, до окончания вахты.

Вероятно, в завершение этих записок следовало бы поделиться какими-либо ценными выводами и наблюдениями. Так вот, коронавирусом можно заразиться совсем не там, где предполагаешь: я подхватил эту заразу во время плановой госпитализации в БСМП (кстати, в четвёртой больнице встретил своего сопалатника по тысячекоечной—он заразился там же).

Какими были симптомы коронавируса у меня? Я сначала ошибочно принял своё состояние за очередное заболевание хроническим бронхитом. Но оказалось—нет. У меня поднялась температура (до тридцати восьми и четырёх), появились одышка, слабость, пропал аппетит. А вот кашля практически не было, и обоняние не исчезало.

Сейчас продолжаем лечение дома, под наблюдением участкового врача. Знающие люди говорят, что в норму я приду месяца через полтора-два, а то и три, когда смогу, наконец, дышать полной грудью. Вот, пожалуй, и всё.

Берегите себя и своих близких, друзья, не пренебрегайте установленными защитными мерами, особенно в семьях, где есть пожилые люди—они очень тяжело переносят заболевание коронавирусом, которое может стать для них фатальным.